УДК 631.151.2

Интенсификация сельского хозяйства необходима

И. БУЗДАЛОВ, академик Россельхозакадемии, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А.Никонова

интенсификация, факторы и показатели интенсификации, качественные преобразования, инновации, модернизация, добавочные вложения, дифференциальная рента, аграрная политика, аграрный протекционизм

intensification, factors and indicators of intensification, qualitative transformations, innovations, modernization, additional investments, differential rent, agrarian policy, agrarian protectionism

Интенсификация производства в сельском хозяйстве, базируясь на общих закономерностях социально-экономического развития, имеет существенные особенности. Ее последовательное осуществление затрагивает важные аспекты аграрной теории, прежде всего связанные с законом убывающего плодородия почвы, теорией и условиями образования дифференциальной земельной ренты. С практической точки зрения интенсификация сельскохозяйственного производства, движущая сила которой — научно-технический прогресс и системные технико-технологические преобразования, предполагает комплекс мер по обеспечению *экологической устойчивости, рационализации природопользования*.

Вместе с тем, интенсификация сельского хозяйства включает в качестве одного из определяющих факторов *социально-трудовую составляющую*. Реализация этого процесса с наибольшим экономическим эффектом, широкое целенаправленное использование научных разработок, практических достижений требуют соответствующих кадров, формирования по сути нового типа работника, подготовки высококвалифицированных специалистов. Но чтобы иметь и закрепить на селе такие кадры, необходимо создать для них соответствующие условия жизнедеятельности, необходимую социальную и инженерную инфраструктуру.

Все это обусловливает не только особый подход к научной организации воспроизводственного процесса на той же земельной площади, но и затрагивает глобальные проблемы развития экономики и общества в целом. Интенсивно развивающееся сельское хозяйство с высокой урожайностью полей, продуктивностью животных, благоустроенностью сельских поселений, материальным благополучием земледельцев, их профессиональной и общей культурой — лицо нации, показатель цивилизованности государства, политической зрелости и мудрости его руководства. «И порядок, и законы, и нравственность, и даже сам ум нации, и, наконец, всякое правильное от-

правление национального организма, — писал Ф.М. Достоевский, — организуются лишь тогда, когда в стране утвердится прочное земледелие». А «прочное земледелие» — это прежде всего интенсивная форма научной организации производства и всей системы ведения сельского хозяйства.

Очевидно, что успешно решать комплекс названных и связанных с ними проблем интенсификации можно на основе разработки и использования научной методологии, начиная с определения сущности, движущих сил, показателей этого сложного процесса. Но именно в этом исходном пункте исследований нет полной ясности. В специальной литературе 60—70 годов XX в. теоретико-методологические аспекты интенсификации являлись предметом острой дискуссии, а сегодня эта тема вообще перестала быть предметом научных исследований.

Сведение сущности интенсификации сельхозпроизводства к концентрации или последовательным вложениям капитала в одну и ту же земельную площадь, как это было в советский период, — подход в принципе неприемлемый. Вложения капитала (как добавочные, так и общие) — это *материальная основа*, важный, но не единственный фактор интенсификации. Главный, определяющий ее сущность фактор — *качественные преобразования*, «повышение напряженности» действия конкретных вещественных элементов капитала, конкретных видов и всей совокупности производственных ресурсов. При этом нужно иметь в виду, что, сколько бы ни отвергался закон убывающего плодородия почвы, концентрация капитала на одной и той же площади на каждом данном этапе развития и качественного состояния производительных сил имеет разумные экономические оптимумы, за пределами которых эффективность добавочных вложений имеет тенденцию снижения. Эта тенденция, как и ограниченная по времени возможность быстрого качественного преобразования факторов производства, — реальность. Более совершенные или новые сорта растений, породы животных, виды удобрений, техники и т.д. надо создать, экспериментально испытать, обеспечить их массовое серийное производство, поставки, а на это, как и на подготовку необходимых специалистов, овладение ими новых технологий и т.д., требуются годы.

Таким образом, рассматривая интенсификацию в тесной взаимосвязи количественной и качественной сторон вкладываемых в единицу земельной площади труда и средств производства, можно сделать вывод, что главная движущая сила этого процесса — качественные преобразования, обусловливающие повышение напряженности производительности, следовательно, результативность факторов производства.

Другое дело, что рост экономического плодородия почвы как обобщающее выражение этой результативности предполагает определенный объективно обусловленный уровень материально-технического, ресурсного обеспечения в расчете на 1 га земельной площади или голову скота, а этот уровень в сельском хозяйстве страны сейчас недопустимо низок. Повышение его до необходимого оптимума — важнейшее условие реализации стратегии развития сельского хозяйства на основе интенсификации. Следование этой стратегии — путь к современной социально-экономической модели развития сельского хозяйства и вместе с тем обеспечению прочной продовольственной, а значит, и национальной безопасности страны. Этим объясняется неослабное внимание к научным исследованиям и прикладным вопросам интенсификации сельского хозяйства в странах с высокоразвитым аграрным сектором, в значительной мере предопределяющим общее социально-экономическое благополучие в этих странах, в том числе имеющих низкую землеобеспеченность.

В России, несмотря на значительное сокращение пахотных земель (за 1990—2011 гг. почти на 40 млн га пашни и сельскохозяйственных угодий в целом на 18 млн га) сохраняется достаточно высокий уровень землеобеспеченности (на одного человека соответственно по 0,53 и 1,38 га). Во Франции, например, на каждого жителя страны приходится всего 0,4 га пашни и 0,5 га сельскохозяйственных угодий, то есть последних в 2,7 раза меньше, чем в России, причем земли далеко не лучшего качества. Однако на основе интенсификации производства за последние 20 лет объем валовой продукции сельского хозяйства в этой стране возрос почти в 1,4 раза и составляет в среднем в год 64 млрд евро (около 2,5 трлн руб. в текущих ценах), а в расчете на 1 га сельхозугодий — больше, чем в России в 6 раз, на душу населения — в 2,6 раза, на занятого в сельском хозяйстве — в 5,8 раза. Полностью обеспечивая население страны продовольствием, Франция стала вторым в мире экспортером сельскохозяйственной продукции, продавая на внешнем рынке примерно 15% ее валового производства, в том числе значительные объемы животноводческой продукции. Важно отметить, что именно существенная доля или абсолютное преобладание экспорта продукции животноводства, особенно говядины, свидетельствует об интенсивном развитии сельского хозяйства и является подтверждением статуса настоящего экспортера агропродовольственной продукции. Наоборот, однобокий экспорт зерна в ущерб развитию кормовой базы животноводства, как это происходило в России в 30-е годы XX в. и наблюдается сегодня, подтверждение несбалансированности аграрной структуры, как и общей отсталости, экстенсивного характера сельхозпроизводства.

В Германии еще более низкая землеобеспеченность с преобладанием худших по качеству почв, но, реализуя стратегию интенсификации сельхозпроизводства в соответствии с принципами социального рыночного хозяйства, ее аграрный сектор более чем на 90% обеспечивает население продукцией собственного производства, экспортируя значительные объемы животноводческой продукции. То же наблюдается в Голландии, Швейцарии, многих других странах Запада. Даже Индия и Китай с еще более низкими показателями землеобеспеченности достигли огромного прогресса в интенсификации сельского хозяйства.

Анализ показывает, что процесс интенсификации в названных и других странах, не говоря уже о США, базируется на прочных, научных основах, методических и аналитических разработках; оптимизации размеров и структурной сбалансированности капитала, материальных ресурсов в расчете на единицу земельных угодий (эти оптимумы, например, по фондоемкости в расчете на 1 га сельхозугодий в 4—5 раз и более превосходят российские показатели, по удобрениям в 10—15 раз, достигая 500—600 кг и более минеральных удобрений на 1 га посевной площади, и т.д.); стимулирующей активной протекционистской аграрной политике и соответствующей системе целенаправленного государственного экономического регулирования и социальной защиты сельских товаропроизводителей; рыночном механизме, методах хозяйствования и управления в соответствии с принципом «рынок регулирует — государство корректирует», сообразуясь с критериями экономической эффективности и социальной справедливости.

***

В СССР в так называемые «застойные» годы в формировании и укреплении материально-технической базы интенсификации сельского хозяйства произошли заметные сдвиги. Курс на интенсификацию подкреплялся постоянно растущим финансовым и материально-техническим обеспечением со стороны государства, экономическим стимулированием процесса, прежде всего через ценовой механизм, кредитную и налоговую системы. Инвестиции в сельское хозяйство в 1981—1985 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. возросли в 2 раза, а в целом в АПК — в 2,3 раза, их доля в общих инвестициях достигла 33,2%, причем значительная часть капиталовложений приходилась на государственный бюджет. В итоге основные производственные фонды фактически почти на ту же земельную площадь возросли в 3,2 раза, поставки тракторов почти в 2 раза, грузовых автомобилей — в 3, минеральных удобрений почти в 7 раз. Однако об оптимуме капитальных вложений на ту же земельную площадь, их рациональной структуре в условиях затратного механизма, прису-

щего административно-командной системе, мало думали или не думали вообще. Поэтому огромные добавочные вложения в форме финансовых средств и материально-технических ресурсов не могли обеспечить адекватной отдачи. Хозяйствам наряду с нужной техникой в «плановом» порядке навязывалась ненужная, возникали диспропорции между силовыми и рабочими машинами, низким оставалось качество техники. Если в 1965 г. на 1 руб. основных фондов было получено 1,01 руб. валовой продукции, то в среднем в 1971–1975 гг. – 0,5 руб. и в 1981–1985 гг. – 0,36 руб. В 1966–1970 гг. прирост валовой продукции к результатам предыдущего пятилетнего периода составил 21%, в 1976–1980 только 9%, а в 1981–1985 гг. этого роста вообще не было. Резко возросла себестоимость сельскохозяйственной продукции, практически стабилизировался уровень урожайности сельхозкультур, негативные процессы происходили в состоянии и использовании земельных угодий. Иначе говоря, вопреки объявленному курсу на интенсификацию сельского хозяйства оно находилось в состоянии неустойчивости с явными признаками стагнации и поддерживалось преимущественно за счет экстенсивных факторов, затратного экономического механизма.

В полном соответствии с этим механизмом в научных исследованиях процесса интенсификации также преобладала «затратная» концепция. В «плановых» и научных разработках, диссертациях, множестве публиковавшихся статей господствовал упрощенный методологический подход к проблеме, начиная с самого понятия интенсификации, определения ее уровня размерами «капитала на одной и той же земельной площади». Качественное преобразование факторов производства рассматривалось как дополнение к количественному, тем более в реальной политике государства проблемы повышения качества, эффективности, хотя и декларировались, оставались на заднем плане или вообще не принимались во внимание, так как цели достигались любой ценой, в том числе масштабным расточительством ресурсов. Регулирующая и стимулирующая роль рыночных отношений, стоимостных категорий в интенсификации, повышении ее экономической эффективности категорически отвергалась.

Негативное отношение к таким научным и практическим задачам интенсификации с необходимыми методологическими обоснованиями и доказательствами было выражено мною в монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства» (М.: Колос, 1966). Подход к изучению интенсификации как «общего явления всех цивилизованных стран», подчиненного объективным закономерностям экономического развития, естественно, вызвал шквал «разоблачительной» критики. В книге не принижалась роль концентрации капитала на той же зе-

мельной площади как фактора и материальной базы интенсификации. Акценты делались на оптимизацию, рационализацию структуры, повышение качества вещественных элементов этого капитала, а главное, на необходимости использования в качестве фактора интенсификации, повышения ее эффективности механизма рыночных отношений, замены им ресурсорасточительного затратного механизма, присущего административно-командной системе. Эти выводы критики характеризовали как «кабинетные домыслы», непонимание сущности и преимуществ «социалистической» интенсификации.

Ныне страсти поутихли, и основанный на общих закономерностях рыночный широкий мирохозяйственный подход к исследованию интенсификации стал реальностью. Многие прежние критики «отщепенцев-рыночников» в новых условиях, как ни в чем не бывало, признали эту реальность и сами (во всяком случае, на словах) стали рыночниками. В этих условиях отпадает необходимость возвращаться к доказанным и проверенным мировой практикой концептуальным подходам к исследованию интенсификации сельского хозяйства, ее осуществлению в рамках общих закономерностей воспроизводственного процесса с учетом соответствующей отраслевой специфики. С этих позиций может представляться «оправданным» почти полное исчезновение темы интенсификации сельского хозяйства из научных исследований и публикаций. Сам процесс осуществляется самотеком, без целенаправленного государственного регулирования, в надежде, что все отрегулирует рынок. При этом забывают о том, что рыночный механизм сам нуждается в серьезных корректировках и упорядочении.

Дело в том, что многие пороки административно-командной системы перешли к нынешней вертикали власти. «Плановые» ценовые диспропорции сменились запредельным диспаритетом цен. Государственная монополия трансформировалась в монополизм партнеров сельского хозяйства по АПК и чиновничий произвол. Стиль и методы работы нынешних глав районов и субъектов Федерации мало чем отличаются от «руководящей» роли прежних парткомов во главе с первыми секретарями. Власти провозгласили курс на инновационное развитие, модернизацию экономики и ее отраслей, не осуществив необходимых для этого изменений в экономической политике, системе государственного регулирования, стиле и методах хозяйственного управления, выборе приоритетов в использовании имеющихся ресурсов. Причем в рамках общих деклараций этого курса применительно к сельскому хозяйству проблемы его интенсификации как бы теряют актуальность. На самом деле и инновации (нововведения), и модернизация (обновление, усовершенствование) — лишь факторы интенсификации как более широкого эконо-

мического понятия, комплексного качественного преобразования системы ведения сельского хозяйства, его социальной и инженерной инфраструктуры.

***

Ныне, к сожалению, продуманная стратегия повышения уровня и эффективности интенсификации сельхозпроизводства практически отсутствует, равно как нет необходимого ее ресурсного обеспечения, прежде всего для поддержания и повышения экономического плодородия почвы, урожайности полей в качестве непосредственного результата интенсификации. Если в «плановой» советской системе огромное количество минеральных удобрений терялось, выбрасывалось на окраинах полей, портилось под открытым небом, но фиксировалось в отчетах как «выполнение плана» внесения в почву, то теперь часто поля вообще не удобряют и почвенное плодородие продолжает стремительно падать. За годы «реформ» вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат. И это в условиях, когда за те же годы производство минеральных удобрений в стране даже возросло (с 16 млн до 18,8 млн т), и при сокращении посевной площади на 35% в расчете на 1 га их дозы должны были возрасти почти в 1,4 раза. В действительности эти дозы сократились в 2,2 раза (с 88 до 38 кг), так как более 80% минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения экономического плодородия земель зарубежных фермеров. Одновременно сократилось внесение органических удобрений (в расчете на 1 га посева в 3,2 раза). Сейчас минеральные удобрения вообще не вносятся на 55% посевных площадей, а органические — на 93% площадей. За те же годы в 9 раз сократилось применение средств защиты растений. На 75% посевных площадей нарушены севообороты. В результате урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на 1 га земельных угодий, в сопоставимых ценах фактически остались на том же уровне и поддерживаются за счет истощения естественного почвенного плодородия. В 1990–2010 гг. урожайность зерновых в стране почти не сдвинулась с отметки 20 ц/га. В то же время во Франции, Германии, США, Англии она возросла на 15–20 ц/га и превысила 70 ц/га. За те же годы в России на 17% сократился выход продукции с 1 га сельхозугодий, в том числе продукции животноводства — более чем на 1/3.

Наблюдается явная тенденция к снижению уровня интенсификации, что подтверждается динамикой технического оснащения сельского хозяйства, состоянием машинно-тракторного парка, системы энергообеспечения. Произошло значительное сокращение основных видов техники. С 1990 по 2011 г. число тракторов уменьшилось в 4,2 раза, зерноуборочных комбайнов — почти в 5, кормоуборочных

комбайнов — в 9 раз. Это привело к существенному увеличению нагрузки на каждую машину, а следовательно, снижению технологических возможностей производства. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла с 95 до 230 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн со 152 до 327 га при расчетной нормативной нагрузке на 1 трактор 73 га, зерноуборочный комбайн — 244 га. Для сравнения: нагрузка на 1 трактор в США составляет 37 га, зерноуборочный комбайн — 50 , в Англии 13 и 77, во Франции 16 и 50, Германии — 12 и 53 га. В России в 9 раз возросла нагрузка посевов кукурузы на кукурузоуборочный комбайн, на картофелеуборочный комбайн — в 1,5 раза, на свеклоуборочную машину — в 3,5 раза. Энергетические мощности на 100 га посевной площади сократились с 364 л.с. до 227 л.с. Низким остается качество техники отечественного производства, степень ее износа возросла в 2 раза, а коэффициент обновления снизился в 2,1 раза.

Негативные тенденции наблюдаются и в животноводстве, о чем свидетельствует сокращение поголовья скота на единицу земельной площади. За 1990—2011 гг. площади сельскохозяйственных угодий в стране сократились на 9% (с 214 до 196 млн га), а поголовье крупного рогатого скота почти в 3 раза (с 57 млн до 20,1 млн), свиней — в 2,1 раза, овец и коз — в 2,7, птицы — на 20%. Положительной была в этот период динамика продуктивности скота и птицы, но в целом на 1 га сельхозугодий производство продукции животноводства упало почти в 1,5 раза.

Состояние интенсификации сельского хозяйства характеризует динамика соотношения затрат и результатов на единицу земельной площади. За 2000—2011 гг. практически на той же площади сельскохозяйственных угодий некоторый рост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых оценках происходил при снижении или стабилизации фондооснащенности отрасли, поэтому не наблюдалось такого падения фондоотдачи, как это происходило в условиях дореформенного затратного экономического механизма. При оценке валовой продукции в текущих ценах и основных фондов по полной учетной стоимости наблюдалось существенное повышение фондоотдачи. Если в 2000 г. на 1 руб. основных фондов производилось 61 коп. валовой продукции, то в 2011 г. — 95 коп. Однако не стоит обольщаться. Происходит «закономерное» при сложившихся методах хозяйствования и управления, перекосах в рыночном механизме снижение выхода продукции на единицу совокупных затрат в фактических рыночных ценах, соответственно рост себестоимости основных видов продукции. Все это сказывается на уровне рентабельности: в 2000 г. без учета субсидий она составляла 2,4%, в 2005 г. — 2,1, а в среднем за 2009—2011 гг. сельское хозяйство имело убыточность 1,5%, тогда как в 1990 г. прибыль обеспечивала 37% рентабельности. Это прямое следствие дезорганизующего процесс

роста диспаритета цен на продукцию отрасли и используемые в ней промышленные средства производства, что, в свою очередь, следует рассматривать как следствие отсутствия действенного госрегулирования отрасли. Об этом свидетельствуют как скудные источники собственных накоплений сельхозорганизаций для добавочных вложений в повышение уровня интенсификации, так и доля села в общих инвестициях в народное хозяйство. Если в 1990 г. эта доля составляла 16%, то в 2011 г. она снизилась до 3%.

В дореформенный период значительная часть инвестиций в сельское хозяйство обеспечивалась за счет государственного бюджета. Сейчас эти вложения не превышают 1%. Существенными (на 150 млрд руб. за 2000—2011 гг.) являются абсолютные суммы их прироста, но они крайне малы с точки зрения объявленной властями модернизационной стратегии и инновационного развития сельского хозяйства (около 1 тыс. руб. на 1 га сельхозугодий и 2,5 тыс. руб. на 1 га пашни). Это на порядок ниже, чем соответствующие вложения на поддержание уже достигнутого высокого, оптимизированного по параметрам уровня интенсификации сельхозпроизводства в целом ряде западных стран — членов ВТО, и такая поддержка, видимо, «разрешена» правилами этой организации.

Связанное с фактической убыточностью сельского хозяйства (а при сопоставимой оценке оплаты труда в отрасли эта убыточность составляет около 15%) практически полное отсутствие необходимой финансовой базы для осуществления его последовательной интенсификации объясняется главным образом тем, что должным образом не задействованы макроэкономические факторы и система государственного экономического регулирования и бюджетной поддержки. Развитые страны наглядно демонстрируют, что прогресс в интенсификации сельского хозяйства достигнут в рамках общей стратегии его приоритетной протекционистской поддержки. Этой стратегии практически нет альтернативы и, по утверждению Президента Российской Федерации В.В.Путина в одной из его предвыборных статей, Россия должна в этой области использовать «опыт всех этих стран». На практике все сводится к полумерам или намерениям. А это значит, что у властей нет должного понимания, что преобразование производства и социальной сферы села — узловая народнохозяйственная задача и приоритет политики государства. Страна не имеет перспектив устойчивого развития, если она и далее будет жить в основном за счет сырьевых ресурсов, расточения по всему миру нефтегазовых запасов, которые рано или поздно закончатся, а само это расточение есть прямое обкрадывание будущих поколений. Не только абсолютная нехватка (а угроза ее при нынешнем состоянии и перспективах мирового продовольственного рынка вполне реальна), но и серьезные перебои в продовольственном снабжении

населения могут мгновенно, без всяких призывов, вызвать на «болотные» и им подобные площади городов такие массы возмущенных людей, какие не приснятся никакой оппозиции. Если государство и общество не повернется лицом к сельскому хозяйству, создав необходимые условия для его последовательной интенсификации по опыту развитых стран, «дамоклов меч» такой перспективы будет и далее висеть над Россией.

Могут сказать, что ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, *во-первых*, это потребует значительных затрат, так как на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни, и их, часто заросших кустарником и мелколесьем, нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, создавать необходимую инфраструктуру, строить жилье, дороги. *Во-вторых*, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами можно в 1,5—2,0 раза увеличить производство продукции. В перспективе по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы, комплексного качественного преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и на меньшей общей площади сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы к сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на 1 га земли или одну голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Однако общими ориентирами могут быть показатели из зарубежной практики, опыта успешно осуществляющих интенсификацию сельского хозяйства отечественных товаропроизводителей. Причем в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств, в других, особенно в сельской глубинке, — в создание необходимых социальных предпосылок интенсификации, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д.

Примерные основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых сельскохозяйственных угодьях общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0—3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. — в 4—5 раз и более). Текущие материальные

населения могут мгновенно, без всяких призывов, вызвать на «болотные» и им подобные площади городов такие массы возмущенных людей, какие не приснятся никакой оппозиции. Если государство и общество не повернется лицом к сельскому хозяйству, создав необходимые условия для его последовательной интенсификации по опыту развитых стран, «дамоклов меч» такой перспективы будет и далее висеть над Россией.

Могут сказать, что ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, *во-первых*, это потребует значительных затрат, так как на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни, и их, часто заросших кустарником и мелколесьем, нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, создавать необходимую инфраструктуру, строить жилье, дороги. *Во-вторых*, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами можно в 1,5—2,0 раза увеличить производство продукции. В перспективе по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы, комплексного качественного преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и на меньшей общей площади сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы к сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на 1 га земли или одну голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Однако общими ориентирами могут быть показатели из зарубежной практики, опыта успешно осуществляющих интенсификацию сельского хозяйства отечественных товаропроизводителей. Причем в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств, в других, особенно в сельской глубинке, — в создание необходимых социальных предпосылок интенсификации, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д.

Примерные основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых сельскохозяйственных угодьях общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0—3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. — в 4—5 раз и более). Текущие материальные

затраты при этом возрастут в два с лишним раза при сокращении затрат живого труда на 35—40%. Общий среднегодовой объем финансовых средств для соответствующих преобразований материальной базы — 500—550 млрд руб. Собственных финансовых средств для таких вложений (при нынешнем ценовом диспаритете и фактическом уровне аграрных цен) сельскохозяйственные организации, за исключением небольшой группы предприятий, как правило получающих рентные доходы, не имеют. При практически вдвое заниженном уровне оплаты труда работники сельского хозяйства не имеют стимулов к активной производственной деятельности, многие из них, особенно молодежь, уходят в другие сферы экономики, равно как и 85% окончивших вузы специалистов аграрного профиля. А это значит, что для активизации определяющего интенсификацию «человеческого» фактора необходимо повышение уровня оплаты сельскохозяйственного труда и квалификации работников, специальной подготовки, следовательно, увеличение «добавочных» вложений.

Значительные финансовые и материальные ресурсы необходимы для оптимизации сельской социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной системы и т.д. Основные источники необходимых средств — поступления из федерального и в какой-то мере региональных бюджетов, так как надежды на частные инвестиции при нынешнем убогом состоянии сельского хозяйства крайне малы.

При соблюдении социально справедливых пропорций распределения национального дохода и сбалансированной ценовой системе, обеспечивающей объективно необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства (по неоднократно публиковавшимся расчетам примерно 25%) с включением в издержки сопоставимой со средней по экономике оплаты труда, отрасль могла бы иметь достаточные для таких вложений собственные средства. Но в стране продолжает действовать в корне подрывающая экономические основы интенсификации производства и всего процесса сельского развития «перекачка» созданного крестьянским трудом национального дохода, в том числе изъятие из отрасли всей прибавочной стоимости и примерно половины общественно необходимого уровня оплаты труда. По имеющимся расчетам структуры стоимости товарной продукции сельского хозяйства за 2009—2011 гг. в розничных ценах, среднегодовой объем этой перекачки в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая государство, составляет 1,3 трлн руб. (40 млрд долл.), тогда как возвращается в село 1/10 часть (4,3 млрд долл.). Но и из этой мизерной суммы около 60% (80 млрд руб.) через фискальное налогообложение государство забирает назад. Все это напоминает известную

ситуацию, когда один мужик прокормил двух генералов, сделавшихся от этого «белыми и веселыми», за что пожаловали своего спасителя и кормильца, этого «тунеядца рюмкой водки да пятаком серебра».

Чиновники из экономического блока правительства, считающие сельское хозяйство «черной дырой» и смирившиеся с унизительным для России масштабным импортом продовольствия (в 2011 г. на сумму 42,5 млрд долл.), поддержкой за счет этого зарубежных фермеров, аргументируют такую антикрестьянскую политику нехваткой бюджетных средств. На пресс-конференции 20 декабря 2012 г. Президент РФ В.В.Путин прямо не высказал своего отношения к такой аргументации, но заявил, что принятый бюджет не позволяет ежегодно выделять для села даже «разрешенные» соглашением с ВТО 9 млрд долл. (примерно 280 млрд руб.).

Однако невозможность получать сельскому хозяйству свою заработанную тяжелым трудом долю национального дохода — не в фактической структуре бюджета, а в его идеологи и составителях, не считающихся ни с собственными декларациями о приоритете сельского развития, ни с необходимостью обеспечения более рациональной расстановки приоритетов социально-экономического развития страны. Сложилось поистине «любительское» отношение к выбору этих приоритетов: «вложения капитала» в международные спортивные игры и чемпионаты, составляющие по некоторым оценкам около 10% доходной части федерального бюджета страны на 2012 г., приоритетнее затрат на сельское хозяйство, которые составят 1% этого бюджета. Где экономическая целесообразность и социальная справедливость, элементарный здравый смысл? А еще есть десятки тысяч детей-сирот, жилье многих миллионов людей, напоминающее времянки и трущобы, бездорожье, проблемы в медицине, науке и т.д. Очевидными субъективными соображениями и пристрастиями продиктованы и некоторые другие приоритеты, в частности астрономические суммы на военные цели, космос и т.д., где многие миллиарды народных средств действительно исчезают как в «черной дыре». Так что дело не в «узких» рамках бюджета, а в явных изъянах, перекосах, очевидных признаках субъективизма проводимой аграрной и общей экономической политики государства.

Ограниченность любых ресурсов на земле — объективная мировая реальность. Отсюда стратегическая задача их эффективного, социально справедливого распределения и использования. Но приоритетное развитие сельского хозяйства— это тоже глобальная мировая реальность, предполагающая общественную необходимость обеспечения активной государственной поддержки отрасли, в первую очередь через цены. Размеры этой поддержки во многих зару-

бежных странах, где не хуже понимают значение обороны, спорта и т.д., но знают во всем этом меру, достигают 2 тыс. долл. в расчете на 1 га земельных угодий против 25 долл. в России.

Помимо названных выше крупных и малых стран поучительным примером выбора приоритетов является Китай. При площади пахотных земель 121 млн га, то есть в 1,5 раза больше, чем в России, поддержка сельского хозяйства в последние годы в расчете на 1 га этих земель более чем в 15– 20 раз превышает российские показатели. Бездействие или видимость действий наших властей в этой области не поддается разумному объяснению. Китайская стратегия рыночного реформирования преподала всему миру урок стремительного роста аграрного производства на основе господдержки во взаимосвязи с высокими темпами общего социально-экономического прогресса. Теперь момент истины настал и для России. Упустить его при невиданных ранее потоках в страну нефтегазовых долларов, не использовать имеющиеся реальные возможности — значит с риском для страны оставаться если не на задворках, то в хвосте мировой цивилизации.

Литература

1. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России//Вопросы экономики. — 2009. — № 9.
2. Буздалов И.Н. Перекачка, как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики// Вопросы экономики. — 2009.—№ 10.
3. Буздалов И.Н. Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России//АПК: экономика, управление. — 2010. — № 5.
4. Лемешев М.Я. и др. Мировой опыт пока ничему не учит. — М.: Россельхозакадемия, 2011.
5. Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства: надежды и действительность.— Екатеринбург, 2010.
6. Назаренко В.И. Государство и сельское хозяйство на Западе. —М.: ОГНИ ТД, 2009.

РЕЗЮМЕ. Рассматривается сущность интенсификации, ее роль и место в развитии экономики сельского хозяйства и системе аграрных отношений. Отмечается необоснованное ослабление внимания к проблеме в современных научных исследованиях и проводимой аграрной политике. Дано обоснование стратегии интенсивного развития сельского хозяйства в рыночных условиях, повышения уровня и экономической эффективности интенсификации, усиления роли государства в экономическом регулировании и поддержке этого процесса.

ABSTRACT. Under consideration is the essence of intensification, its role and place in development of economy of agriculture and system of agrarian relations. Also marked is the unfounded relax in attention to the problem in modern scientific investigations and performed agrarian policy. The substantiation is given to the strategy of intensive development of agriculture under market conditions, raising the level and economic efficiency of intensification, enhancing the role of state in economic regulation and support of that process.

Контактный адрес. Буздалов Иван Николаевич, 105064, Москва, Б. Харитоньевский пер., 21/6, стр. 1, тел. 8(495)607-36-95, e-mail:tamara.buzdalova@yandex.ru